

Экстремизм как социально-правовое явление

Ларсаева Кеси́ра Джала́лдиевна

студентка 2 курса направление «Юриспруденция»
ФГБОУ ВО "Чеченский государственный университет"

Важность глубокого и всестороннего анализа обуславливается вызовами экстремизма, которые в начале XXI в. представляют не только угрозу национальной безопасности и целостности России но и общемировую проблему.

Экстремизм явление очень сложное и многоплановое, своими истоками уходящее в вечно существовавший и существующий национальный вопрос. До тех пор пока в мире существует разделение людей на расы, национальности, проблема их равенства и возможности самоопределения, будут возникать и конфликты, в том числе имеющие и уголовно-правовую окраску.

Возникновение политического, религиозного, национального и иных видов экстремизма как значимого явления - это тревожный сигнал для всего общества. В течение двух десятилетий после распада Союза ССР Российская Федерация в силу многочисленных факторов объективного и субъективного порядка превратилась в узел переплетения острейших проблем. Наиболее остро это проявилось в возникновении в Российской Федерации идеологических течений, основой которых стали политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда и ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы.

Очевидную угрозу национальной безопасности Российской Федерации представляет также имеющая экстремистский окрас тенденция размывания единого правового пространства страны местным нормотворчеством, поощряемым определенной частью региональных чиновников достаточно высокого уровня, что стимулирует сепаратистские настроения, неуважение к федеральному законодательству, правам и свободам человека, отдельным нациям. Наиболее остро эти проблемы проявились на Северном Кавказе, самом сложной в этническом и религиозном отношении части России. В регионе периодически обостряется обстановка: возникают конфликты в Чечне, Ингушетии, Северной Осетии, Дагестане, Карачаево-Черкессии и Кабардино-Балкарии.

Роль экстремизма в этнополитических процессах, в том числе на Северном Кавказе, исследуется в социологических, политических, исторических аспектах. Вместе с тем, на наш взгляд, отсутствуют именно комплексные исследования правовых основ борьбы с данным явлением. Такое исследование представляет данная монография, оно интересно и многогранно по своей тематике.

Понимание экстремизма как антонима понятию «демократия», а равно как его антипода демократическому устройству общества стало аксиоматическим в Европе задолго до того, когда в России этому явлению придали актуальный научный характер. Ещё двадцать лет назад известный германский политолог Уве Баскес отметил, что «экстремистская позиция прямо или косвенно отрицает демократическое конституционное государство». [1,с.145]

Кроме того, такое научное положение получило международно-правовое закрепление в части 3 Резолюции 1344 (2003 г.) Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), согласно которой «экстремизм по своей природе является такой формой политической деятельности, которая прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии и очень часто строит свою идеологию, политическую практику и поведение на интолерантности, исключительности, ксенофобии, антисемитизме и ультранационализме». [2,с.61]

В России, несмотря на то, что она тоже является членом ПАСЕ, экстремизм понимается иначе. С момента подписания Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года в нашей стране начались разработки так называемого «юридического определения» понятия «экстремизм» без учёта политической сущности данного явления и, в первую очередь, без учёта его психологического, а не поведенческого (деятельного) характера, играющего второстепенную роль. Это не могло не отразиться соответствующим образом на состоянии действующего законодательства в сфере противодействия экстремистской деятельности.

В частности, речь идёт о преобладании в российской науке спорной позиции относительно возможности существования экстремизма в форме уголовно наказуемого деяния в отрыве от специфического мотива преступления, основанного на антидемократических, антиконституционных установках. Причём важно принять во внимание, что речь идёт фактически о политических мотивах, которые согласно действующему российскому законодательству и целенаправленной антиэкстремистской правовой политике России косвенно возводят преступления экстремистской направленности в ранг наиболее общественно опасных уголовно наказуемых деяний. Вопрос лишь в том, насколько вообще в уголовном законодательстве демократического государства такие мотивы уместны и особенно в том виде, в каком они отражены в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ в настоящее время.

Проблема состоит даже не в том, что многие положения российского законодательства в области противодействия экстремистской деятельности, включая ряд статей уголовного закона, можно поставить под вопрос правомерности и допустимости при существующем в нашей стране политическом режиме, а в том, что оно в большей степени неэффективно, содержит пробелы, логические ошибки и очевидные противоречия. При этом чрезмерно интенсивная правовая кампания в области противодействия противоправным формам экстремизма привела к тому, что в России начали открываться специализированные юридические консультации для лиц, пострадавших от неправомерного применения антиэкстремистского законодательства. Одна из таких, например, находится на сайте информационно-аналитического центра «СОБА». [3,с.354]

Разработанное в России за последнее десятилетие антиэкстремистское законодательство не сказывается положительным образом на динамике преступлений экстремистской направленности. Кроме того, ряд законодательных мер, направленных на установление судебного порядка признания организованной группы преступным сообществом по ст. 282.1 УК РФ и общественного объединения экстремистской организацией по ст. 282.2 УК РФ, лишь пошёл на пользу экстремистам. Неудивительно, что за последние семь лет общественных и религиозных объединений, иных некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», насчитывается всего восемь.

Получается, что в России политические мотивы преступлений выступают обстоятельством, отягчающим уголовное наказание, что не характерно для уголовного законодательства демократических стран, равно как и внедрение термина «экстремизм» и всех производных от него понятий в уголовные законы Германии, Испании, Швейцарии, Франции, Голландии, Дании, Швеции и ряда других правовых государств. Однако существующая в нашей стране правовая модель противодействия преступлениям экстремистской направленности по-прежнему остаётся неэффективной.

Вместе с тем путь, по которому пошло развитие российского уголовного законодательства в сфере противодействия криминальным формам экстремизма, по мнению диссертанта, имеет и положительные стороны, которые, однако, нуждаются в последующих комплексных

междисциплинарных исследованиях, дополнительной научной аргументации и, конечно же, в существенной законодательной доработке и ликвидации многочисленных правовых недостатков.

Литература:

1. Бидова Б.Б. Проблема противодействия политическому экстремизму на северном Кавказе: анализ и пути решения //Международное научное издание Современные фундаментальные и прикладные исследования (<http://haa.su/Gtg/>). 2014. № 5. - С. 145-146.
2. Бидова Б.Б. Уголовное законодательство зарубежных государств и международные стандарты в сфере противодействия молодежному экстремизму (<http://haa.su/Gth/>)//Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права (<http://haa.su/Gti/>). 2011. № 4. - С. 60-61.
3. Бидова Б.Б. Исламский радикализм: анализ подходов и угроз (<http://haa.su/Gti/>)//Молодой ученый(<http://haa.su/Gtk/>). 2014. № 9 (68). - С. 353-355.